

## О проблемах понимания признаков состава угрозы убийством

**Н. В. Тыдыкова**

*Алтайский государственный университет  
пр. Ленина 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: [academnauka@rambler.ru](mailto:academnauka@rambler.ru)*

Автор анализирует обстоятельства, посредством которых правоприменительная практика устанавливает признак реальности в составе угрозы убийством. Отмечается, что суды зачастую трактуют признак реальности неоправданно узко, связывая его с совершением виновным подкрепляющих действий, ввиду чего без должной уголовно-правовой оценки остается определенное число случаев. Доказывается, что для того, чтобы быть признанной реальной, угроза не обязательно должна сопровождаться подкрепляющими действиями. Приводятся примеры других обстоятельств, с которыми может быть связано опасение потерпевшего по поводу осуществления угрозы. Аналогичный подход предложено использовать и при квалификации тех преступлений, в которых угроза убийством является квалифицирующим обстоятельством. Исследуются различные формы выражения угрозы убийством. Автор приходит к выводу о том, что если угроза убийством была выражена не в утвердительной форме, а в вероятностной, то ее квалификация по ст. 119 УК РФ возможна только при установлении умысла лица таким способом оказать влияние на сознание потерпевшего и сформировать у него состояние тревоги за свою жизнь. Решены вопросы о квалификации угрозы неопределенного объема, направленной в будущее, угрозы, высказанной третьим лицам, в отношении двух и более лиц. Доказывается отсутствие оснований к принятию идеи о декриминализации угрозы убийством, которая высказывается в литературе. Сформулированы соответствующие правила квалификации угрозы убийством, которые, по мнению автора, не противоречат устоявшимся в теории уголовного права положениям и соответствуют позициям Верховного Суда РФ и Конституционного суда РФ, высказанным по этому вопросу.

**Ключевые слова:** угроза убийством, реальность угрозы, адресат угрозы, психическое насилие, демонстрация оружия.

## On Understanding the Elements of a Threat of Homicide

**N. V. Tydykova**

*Altai State University  
61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: [academnauka@rambler.ru](mailto:academnauka@rambler.ru)*

The author analyzes the circumstances by which law enforcement practice establishes an element of reality as part of a threat of homicide. It is noted that the courts often interpret the essential element of reality unreasonably narrowly, linking it with reinforcing actions committed by the offender, which leaves a certain number of cases without a proper criminal legal assessment. It is proved that in order to be recognized as real, the threat does not have to be accompanied by reinforcing actions. Examples of other circumstances are given that may be associated with the fear of the victim about the implementation of the threat. A similar approach is proposed to be used in the qualification of those crimes in which the threat of murder is a qualifying circumstance. Various forms of expressing a threat of homicide are being explored. The author comes to the conclusion that if the threat of homicide was expressed not in an affirmative form, but in a probabilistic one, then its qualification under Art. 119 of the Criminal Code of the Russian Federation is possible only if the intent of the person is established in this way to influence the consciousness of the victim and form in them a state of anxiety for his life. The issue of the qualification of a threat of indefinite volume prospected to the future, a threat expressed to third parties against two or more persons have been resolved. The absence of grounds for accepting the idea of decriminalization of the threat of murder, which is expressed in the literature, is proved. The relevant rules for qualifying the threat of homicide are formulated, which, in the author's opinion, do not contradict the provisions established in the theory of criminal law and correspond to the positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation expressed on this issue.

**Key words:** threat of homicide, reality of the threat, addressee of the threat, mental violence, demonstration of weapons.

Статья 119 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Общественная опасность этого преступления

заключается в формировании у потерпевшего чувства тревоги, беспокойства за свою безопасность, жизнь и здоровье, а в отдельных случаях близких ему лиц.

Такое деяние не только имеет уголовно-правовое значение само по себе, но и существенно увеличивает общественную опасность других преступлений при их совершении с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Так, например, пункты «б» частей 2 статей 131 и 132 УК РФ предусматривают соответствующий квалифицирующий признак.

В теории уголовного права и правоприменительной практике наработан ряд правил квалификации угроз. Так, угроза может быть выражена устно, письменно (в том числе с использованием средств связи) или конклюдентными действиями. Она может быть передана потерпевшему непосредственно или через иных лиц. По моменту предполагаемой реализации угрозы могут быть как обращены к настоящему времени, так и направлены в будущее.

Условием наступления уголовной ответственности по рассматриваемой статье является установление наличия оснований опасаться осуществления этой угрозы, то есть признака реальности угрозы.

Анализ правоприменительной практики показал, что для подтверждения реальности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью правоприменителем используются следующие обстоятельства: нанесение ударов руками или ногами по телу потерпевшего [Приговор Шатровского районного суда Курганской области № 1-48/2021 от 13 июля 2021 г.]; агрессивное поведение виновного по отношению к потерпевшему, его нахождение в состоянии опьянения, физическое превосходство, отсутствие у потерпевшего возможности убежать, характер взаимоотношений потерпевшего и угрожавшего [Приговор Чусовского городского суда Пермского края № 1-134/2021 от 9 июля 2021 г.]; демонстрация оружия [Приговор Шатурского городского суда Московской области № 1-183/2021 от 3 июня 2021 г.] или иного предмета, используемого в качестве оружия (например, топора, ножа) [Приговор Ярославского районного суда Ярославской области № 1-161/2021 от 26 июля 2021 г.]; сдавливание шеи потерпевшего [Приговор Ярцевского городского суда Смоленской области № 1-36/2021 от 8 июня 2021 г.]; нанесение ударов предметами, используемыми в качестве оружия не по жизненно важным органам потерпевшего [Приговор Шилкинского районного суда Забайкальского края № 1-23/2021 от 18 марта 2021 г.] или по другим предметам, находившимся в непосредственной близости от потерпевшего [Постановление Шарангского районного суда Нижегородской области № 1-17/2021 от 18 марта 2021 г.]; доведение до сведения потерпевшего информации о знании угрожающим места жительства потерпевшего, времени его возвращения домой и пути следования [Приговор Шатровского районного суда Курганской области № 1-54/2021 от 20 июля 2021 г.]; причинение смерти другому потерпевшему в присутствии потерпевшего [Приговор Алтайского краевого суда № 2- 5/2018 от 27 июня 2018 г.].

В литературе справедливо отмечается, что правоприменительная практика зачастую требование реальности угрозы толкует узко, понимая под реальными только такие угрозы, которые сопровождаются конкретными действиями [Ермакова 2019: 172].

В определении Конституционного суда Российской Федерации от 23.03.2010 № 368-О-О указано, что статья 119 УК РФ позволяет признавать составообразующим применительно к предусмотренному ею преступлению только такое деяние, которое совершается с умыслом, направленным на восприятие потерпевшим реальности угрозы, когда имеются объективные основания опасаться ее осуществления. Преступление может быть совершено только с прямым умыслом и считается оконченным с момента высказывания угрозы или ее выражения в иной форме. Это означает, что действия, подкрепляющие угрозу, не являются обязательными для рассматриваемого состава преступления.

В одном из определений Верховный Суд РФ указал, что оценкой реальности угрозы является субъективный и объективный критерий. Субъективный критерий характеризуется намерением виновного осуществить угрозу и восприятием потерпевшим этой угрозы как опасной для жизни. При этом угроза должна быть очевидной для потерпевшего. Объективный критерий оценки реальности угрозы устанавливается с учетом обстоятельств, характеризующих обстановку, в которой потерпевшему угрожают, личности угрожающего, взаимоотношения потерпевшего и виновного [Определение Верховного суда Российской Федерации по делу № 82-УД21-7-К7 от 22 июля 2021 г.].

Убедительной выглядит позиция ряда исследователей, которые отмечают, что угроза необязательно должна включать в себя действительное намерение причинения такого вреда, способность или неспособность угрозы вызвать страх у потерпевшего характеризует угрозу как реальную и как нереальную [Сердюк 2008: 66; Безверхов 2018: 527].

Следовательно, угроза убийством может быть оценена как реальная не только в тех случаях, когда виновные лица предпринимали активные действия по подкреплению своих угроз. Опасения потерпевшего относительно осуществления угрозы могут быть основаны на других обстоятельствах, например, выраженном конфликтном характере взаимоотношений угрожавшего и потерпевшего; способах донесения угроз (например, с использованием траурной символики, краски, имитирующей кровь, демонстрацией устрашающих изображений и т.п.); информации о времени, способе или иных детализирующих обстоятельствах реализации выраженной угрозы, доведенной угрожающим до сведения потерпевшего; множественных эпизодах выражения угроз; обстановке, в которой потерпевшему угрожают и других обстоятельствах.

При этом, так как рассматриваемый признак нашел закрепление в диспозиции статьи 119 УК РФ, он подлежит установлению в каждом случае. При его недоказанности усмотреть в совершенном деянии признаков этого преступления не представляется возможным. Так, например, высказанную Я. в зале судебного заседания угрозу убийством П. не воспринял реально, а обстоятельства произошедшего свидетельствовали об отсутствии у осужденной Я. намерения реализовать высказанную ею угрозу непосредственно в зале судебного заседания либо в будущем. Так как доказательств обратного в материалах дела не имелось, было установлено, что в действиях Я. состав преступления, предусмотренный ст. 119 УК РФ, отсутствовал [Апелляционное постановление N 22-737/2015 от 13 августа 2015 г.].

Угроза убийством в ряде составов преступлений выступает квалифицирующим обстоятельством (например, в статьях 131, 132, 296 УК РФ). Однако в этих нормах законодатель прямо не указывает на условие, при котором имеются основания опасаться ее реализации, как обязательное. Но отсутствие прямого указания на такой признак не означает возможности его вменения в случае выражения угроз, опасаться которых не было оснований. Это связано, в первую очередь, с отсутствием

общественной опасности таких угроз. Поэтому практика идет по пути обязательности его установления и при квалификации угрозы убийством как квалифицирующего признака других составов преступлений. Так, в апелляционном определении от 25 сентября 2013 г. № 93-АПУ13-6 Верховный Суд РФ применительно к ч. 1 ст. 296 УК РФ анализировал признак реальности высказанной виновным угрозы. Аналогичные выводы можно встретить и в литературе [Раздобудько 2017: 39-40]. В абз. 1 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» разъясняется, что ответственность за изнасилование или совершение насильственных действий сексуального характера с угрозой применения насилия наступает лишь в случаях, если у потерпевшего имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Анализ практики по таким делам показал, что наличие или отсутствие оснований опасаться угрозы устанавливается и описывается в материалах дела по тем же признакам, что и в составе преступления, предусмотренном ст. 119 УК РФ.

Как было отмечено выше, угроза может быть выражена в различных формах. Причем не обязательно, чтобы она была выражена словесно. Так, Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что угроза убийством может быть выражена в любой форме и отсутствие словесных угроз не исключает уголовной ответственности [Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021 г.; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017г.]. В рассматриваемом случае осужденный нанес удар железным крюком по голове потерпевшего, и эти действия последний расценивал для себя как угрозу убийством при наличии оснований опасаться осуществления данной угрозы. Данный вид угрозы можно определить как угрозу, выраженную конклюдентными действиями. Конклюдентные действия можно определить как действия, демонстрирующие намерения (применение физического насилия, демонстрация оружия и предметов, используемых в качестве оружия, которыми может быть причинена смерть, приготовление могилы и подобные действия), характерные для таких случаев жесты (движение ладони вдоль горла, имитация кистью руки выстрела из пистолета в висок и т. п.) и другие.

Однако возникает вопрос о разграничении таких угроз с покушением на убийство. При покушении на убийство применяемое насилие направлено на причинение смерти, которая не наступает по независящим от виновного обстоятельствам, а при угрозе убийством насилие только подкрепляет заявленные виновным намерения. При этом, подкрепляя угрозу насильственными действиями, виновный контролирует объем применяемого насилия, который не должен быть таким, чтобы причинить смерть или тяжкий вред здоровью потерпевшего. Кстати, тот объем вреда, причинение которого образует самостоятельный состав преступления, требует соответственно самостоятельной квалификации и угрозой не охватывается [Шарапов 2006: 31; Мевлуд 2021: 140].

Анализ практики показывает, что конклюдентными действиями, которые трактуются как угроза убийством, часто являются демонстрация оружия или предметов, используемых в качестве оружия, или жесты, выражающие намерение причинить смерть. В литературе справедливо отмечается, что в таких случаях необходимо принимать во внимание не только оружие, которым угрожал преступник, но и характер и направленность угрозы [Коновалов 2018: 34].

При решении вопроса о том, является ли демонстрация оружия или предмета, используемого в качестве оружия, угрозой убийством, необходимо исходить из двух обстоятельств. Во-первых, характеристики самого оружия или предмета, используемого в качестве оружия. Очевидно, что они по своим свойствам должны объективно нести возможность причинения смерти. О необходимости учета этого обстоятельства говорит позиция Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, которая в одном из определений указала, что потерпевший воспринял действия осужденного, направившего на него пневматический пистолет, как реальную угрозу для своей жизни и здоровья, полагая, что в руках у нападавшего находится огнестрельное оружие. Судебная коллегия сочла, что у потерпевшего имелись основания опасаться осуществления угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, учитывая обстоятельства совершения преступления и характеристику пистолета [Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ N 127-УД18-19 от 15.01.2019 г.]. Во-вторых, необходимо учитывать способ использования или демонстрации оружия или предмета, используемого в качестве оружия. Так, например, демонстрация газового баллончика и угроза его распыления вряд ли может признаваться угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, а, например, угроза распыления всего его объема в ротовую полость вполне может, так как при таком его использовании возможно наступление смерти потерпевшего. Угроза предметами, имитирующими оружие, если потерпевший воспринимал угрозу как реальную, также может быть квалифицирована как угроза убийством [Постановление Московского городского суда N 4у-6827/2017 от 28.11.2017 г.].

В литературе можно встретить указание на такую форму, как угроза, вытекающая из обстановки [Кондратенко 2008: 41; Безверхов 2014: 97]. Сложно говорить о самостоятельном значении такого способа ее выражения. Скорее характеристика обстановки совершения преступления может свидетельствовать о том, что у потерпевшего есть реальные основания опасаться выраженной иным способом (словесно, письменно или конклюдентными действиями) угрозы. Или виновный какими-либо способами дает понять потерпевшему, что осознает, что обстановка формирует у потерпевшего страх за свою жизнь и желает, чтобы тот так и думал. Другое решение этого вопроса сделало бы возможным вменение рассматриваемого квалифицирующего обстоятельства практически в любом случае, когда потерпевший считал, что обстановка совершения в отношении него преступления говорит о возможности причинения ему смерти. Так, например, часто насильственные преступления совершаются в ночное время суток, в отсутствие других людей, которые могли бы оказать потерпевшему помощь, в месте совершения деяния могут находиться такие предметы, как кухонный нож, бритва или различные инструменты, однако не всегда их наличие, как и другие описанные обстоятельства, свидетельствуют о том, что виновный желает это использовать для формирования у потерпевшего страха за свою жизнь. К аналогичным выводам приходят и другие авторы [Зотов 2022: 124]. В судебной практике встречаются ситуации угрозы, вытекающей из обстановки, когда лицо или группа лиц в ночное время в безлюдном месте требует от женщины вступить с ними в половую связь. По многим таким делам суд учитывал указанные обстоятельства для подтверждения реальности угрозы, которая была выражена словесно.

Если виновный словами или конклюдентными действиями обращает внимание потерпевшего на обстановку (ночное время суток, безлюдная местность, невозможность убежать, имевшие место в прошлом посягающего факты совершения преступлений против жизни и т. п.) с целью сформировать у того опасение за свою жизнь, то такая угроза по форме выражения относится скорее к словесной или выраженной конклюдентными действиями, а обстановка – фактор, ее подкрепляющий. Причем обстановка угрожающего жизни характера может как формироваться виновным специально, так и использоваться уже возникшая помимо его воли. Главное, чтобы имели место оба фактора: объективный – угроза выражена виновным и воспринята потерпевшим именно как угроза для жизни; и субъективный – виновный желал выразить именно угрозу убийством.

Угроза убийством не обязательно должна быть озвучена виновным самому потерпевшему, возможна ее передача через третьих лиц. Важно желание виновного довести до сведения адресата такую угрозу. Так, действия С. были квалифицированы по ст. 119 УК РФ: он высказал угрозу убийством Е. посредством ее передачи третьим лицам (Н., Е., М.), вышедшим из квартиры Е., демонстрируя при этом нож и осознавая, что данные угрозы будут доведены до сведения потерпевшей, отчего последняя испытает страх за свою жизнь и здоровье [Постановление Президиума Сахалинского областного суда N 44у-6/2018 от 16.02.2018 г.].

Вызывают сложности для правовой оценки случаи, когда информация о желании убить потерпевшего была высказана не в утвердительной форме, а, например, в качестве предложения, адресованного соисполнителю, для демонстрации желания и готовности убить. Так, Ф. сказал Ц.: «Давай грохнем Л.». Ц. отказался. Потерпевшая Л. в своих показаниях подтвердила, что реально опасалась за свою жизнь, несмотря на отказ второго преступника совершить убийство. Однако суд не усмотрел в содеянном признаков рассматриваемого преступления, а в мотивировочной части приговора указал на то, что разговор о возможном убийстве между преступниками не был непосредственно направлен к потерпевшей [Дело № 1–92/00].

Видится, что в подобных ситуациях, помимо субъективного восприятия такой угрозы потерпевшим, необходимо решить вопрос и о наличии или отсутствии умысла лица на выражение угрозы убийством. Если такая угроза охватывалась их умыслом, то не имеет значения, к кому обращены слова об угрозе, так как в ст. 119 УК РФ нет указания на то, что угроза убийством должна быть обращена непосредственно к потерпевшему в утвердительной форме. Вполне достаточно того, чтобы она была озвучена, независимо от того, к кому была обращена, и воспринималась потерпевшим реально. При этом виновный или виновные, озвучивая такую угрозу, должны осознавать, что эту информацию воспринимает потерпевший тоже и идентифицирует ее как угрожающую. Вполне возможна ситуация, когда лицо разговаривает само с собой или с воображаемым партнером во время совершения преступления и озвучивает намерение убить или причинить вред здоровью. В этом случае, при наличии умысла лица таким образом оказать влияние на сознание потерпевшего и сформировать у него состояние тревоги за свою жизнь, угрозу убийством можно считать выраженной.

Если виновный четко определяет объем возможных последствий, то проблем при квалификации, как правило, не возникает, например, виновный словами высказывает угрозу убийством. Однако часто угрозы носят неопределенный характер («порешу», «порезу», «плохо будет», «ноги выдеру» и т. п.), что создает трудности для определения объема физического насилия, которым угрожал виновный [Тыдыкова 2013: 99]. Думается, что удачный алгоритм для решения этой квалификационной проблемы предложен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27.12.2002 N 29, где дано следующее разъяснение: «В тех случаях, когда завладение имуществом соединено с угрозой применения насилия, носившей неопределенный характер, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя необходимо решать с учетом всех обстоятельств дела: места и времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия угрозы, совершения каких-либо конкретных демонстративных действий, свидетельствовавших о намерении нападавших применить физическое насилие, и т. п.». В отсутствие специального разъяснения, которое касалось бы состава, предусмотренного ст. 119 УК РФ, видится возможным исходить из аналогичных обстоятельств.

Состав преступления, предусмотренный ст. 119 УК РФ, предполагает, что на квалификацию не оказывает влияния предполагаемый момент реализации угрозы убийством. Это означает, что угрожающий может высказывать как намерение причинить смерть немедленно, так и в будущем. Это прямо не закреплено в тексте статьи 119 УК РФ, но так как не указано и иное правило, то практика идет именно по такому пути. Например, С. высказывал К. угрозу убийством на будущее, а К. имела основания опасаться осуществления ее реально, так как на ее глазах был убит Б. [Определение Верховного Суда РФ N 4-005-33 от 22.03.2005 г.].

Интересен вопрос о квалификации содеянного, когда виновный высказывает угрозу убийством в отношении двух лиц. Практика идет по пути квалификации таких деяний как единого преступления, если лицо действовало с единым умыслом и единым намерением на совершение преступления [Определение Верховного Суда РФ N 88-Д10-3 от 31.08.2010 г.].

Несмотря на то, что состав угрозы убийством является традиционным для российского уголовного права и степень общественной опасности этого преступления не должна вызывать сомнений, можно встретить отдельные предложения о декриминализации или частичной декриминализации этого состава преступления. Так, например, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.07.2015 N 37 в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект Федерального Закона, которым было предложено декриминализировать угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 119 УК РФ), если такое деяние совершено однократно. Думается, что законодателем справедливо такое предложение воспринято и реализовано не было, так как не вызывает сомнений общественная опасность угрозы убийством ни как самостоятельного состава преступления, ни в качестве квалифицирующего признака некоторых других составов преступлений. Кроме того, реализация такого предложения потребовала бы сформулировать в УК РФ новый состав преступления с административной преюдицией, что вызвало бы другие вопросы и сложности для правоприменения.

Таким образом, анализ правоприменительной практики позволяет сформулировать несколько правил квалификации угрозы убийством.

1) Реальность угрозы (наличие оснований опасаться осуществления этой угрозы) является обязательным признаком как состава преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, так и других составов, где угроза убийством выступает квалифицирующим обстоятельством. Угроза убийством может быть оценена как реальная не только в тех случаях, когда виновные лица совершали подкрепляющие действия, опасения потерпевшего относительно осуществления угрозы могут быть основаны на других обстоятельствах, в частности, на анализе обстановки, в которой угроза была выражена, выраженном конфликтном характере взаимоотношений угрожавшего и потерпевшего, способах донесения угроз, информации о времени, способе или иных детализирующих обстоятельствах реализации угрозы и других обстоятельствах.

2) Угроза убийством может быть выражена в любой форме, в том числе конклюдентными действиями. Если таким действием является демонстрация оружия или предметов, используемых в качестве оружия, то при оценке объема такой угрозы необходимо исходить из характеристики самого оружия или предмета, используемого в качестве оружия, и способа использования или демонстрации оружия или предмета, используемого в качестве оружия.

3) Угроза, вытекающая из обстановки, имеет уголовно-правовое значение только в качестве обстоятельства, подтверждающего реальность угрозы.

4) Угроза может быть доведена до сведения потерпевшего через третьих лиц, а также выражена не только в утвердительной форме, но и в вопросительной и вероятностной.

5) Вопрос о квалификации деяния при угрозе насилем неопределенного объема следует решать с учетом всех обстоятельств дела: места и времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия угрозы, совершения каких-либо конкретных демонстративных действий, свидетельствовавших о намерении нападавших причинить смерть.

## Литература

- Апелляционное определение Верховного Суда РФ № 93-АПУ13-6 от 25 сентября 2013 г. / СПС Гарант  
Апелляционное постановление N 22-737/2015 от 13 августа 2015 года / СПС Консультант  
Безверхов А. Г. Актуальные проблемы уголовного права / Вестник Самарского государственного университета. 2014. №11 /1 (22). С. 94-110.  
Безверхов А. Г., Норвартиян Ю. С. Соотношение категорий «насилие» и «угроза» в современном уголовном праве России / Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т.9. Вып. 4. С. 522-533.  
Дело № 1–92/00 / Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края.  
Ермакова О. В. Особенности квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью / Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: сборник материалов XIX всероссийской научно-практической конференции. отв. ред. А. Г. Чириков. 2019. С. 170-173.  
Зотов А. Ю. Проблемы квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, возникающие в современной следственной и судебной практике / Право и практика. 2022. №2. с. 121- 126.  
Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ N 127-УД18-19 от 15.01.2019 / СПС Консультант.  
Кондратенко М. А., Тыдыкова Н. В. Проблема квалификации признаков составов в насильственных преступлениях / Российская юстиция. - 2008. - N 1. - С. 41-42.  
Коновалов Н. Н. Угроза убийством и угроза причинением тяжкого вреда здоровью при насильственных действиях сексуального характера и при изнасиловании / Российский судья. 2018. N 8. С. 30 – 35.  
Мевлуд Д. Д., Майстренко Г. А. Уголовная ответственность за угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью / Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 138-140.  
Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021 / Бюллетень Верховного Суда РФ.2022. N 2;  
Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017 / Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. N 9.  
Определение Верховного суда Российской Федерации по делу № 82-УД21-7-К7от 22 июля 2021 года / Верховный суд РФ: сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru>.  
Определение Верховного Суда РФ N 4-005-33 от 22.03.2005 / СПС Консультант.  
Определение Верховного Суда РФ N 88-Д10-3 от 31.08.2010 / СПС Консультант.  
Постановление Московского городского суда N 4у-6827/2017от 28.11.2017 / СПС Консультант.  
Постановление Президиума Сахалинского областного суда N 44у-6/2018 от 16.02.2018 по делу / СПС Консультант.  
Постановление Шарангского районногосуда Нижегородской области № 1-17/2021 от 18 марта 2021 г. по делу № 1-17/2021 / Судебные и нормативные акты РФ: сайт.URL: <https://sudact.ru>.  
Приговор Алтайского краевого суда№ 2- 5/2018 от 27 июня 2018 года г. / Алтайский краевой суд: сайт.URL:<https://kraevoy--alt.sudrf.ru>.  
Приговор Чусовского городского суда Пермского края № 1-134/2021 от 9 июля 2021 г. по делу № 1-134/2021 / Судебные и нормативные акты РФ: сайт.URL: <https://sudact.ru>.  
Приговор Шатровского районного суда Курганской области № 1-54/2021 от 20 июля 2021 г. по делу № 1-54/2021 / Судебные и нормативные акты РФ: сайт.URL: <https://sudact.ru>.  
Приговор Шатровского районного суда Курганской области № 1-48/2021 от 13 июля 2021 г. по делу № 1-48/2021 / Судебные и нормативные акты РФ: сайт.URL: <https://sudact.ru>

- Приговор Шатурского городского суда Московской области № 1-183/2021 от 3 июня 2021 г. по делу № 1-183/2021 / Судебные и нормативные акты РФ: сайт.URL: <https://sudact.ru>.
- Приговор Шилкинского районного суда Забайкальского края № 1-23/2021 1-387/2020 от 18 марта 2021 г. по делу № 1-23/2021 / Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>.
- Приговор Ярославского районного суда Ярославской области № 1-161/2021 от 26 июля 2021 г. по делу № 1-161/2021 / Судебные и нормативные акты РФ: сайт.URL: <https://sudact.ru>.
- Приговор Ярцевского городского суда Смоленской области № 1-248/2020 1-36/2021 от 8 июня 2021 г. по делу № 1-248/2020 / Судебные и нормативные акты РФ: сайт.URL: <https://sudact.ru>.
- Раздобудько В. О. Уголовно-правовая характеристика угрозы: учебное пособие / В. О. Раздобудько, Д. А. Пархоменко, С. В. Пархоменко. Иркутск, 2017.
- Сердюк Л. Правовая оценка последствий при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью / Уголовное право. - 2008. - № 1. - С. 64-68.
- Тыдыкова Н. В. Уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации насильственных половых преступлений. М., 2013.
- Шаранов Р. Д. Насилие в уголовном праве: понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения: автореф. дис. ... док. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

## References

- Appeal decision N 22-737 / 2015 of August 13, 2015. ATP Consultant (in Russian).
- Appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 93-APU13-6 dated September 25, 2013. SPS Garant (in Russian).
- Bezverkhov, A. G., Norvartyan, Yu. S. (2018). Correlation between the categories "violence" and "threat" in the modern criminal law of Russia. Bulletin of St. Petersburg University. Right, 9, 4, 522-533 (in Russian).
- Bezverkhov, A. G. (2014). Actual problems of criminal law. Bulletin of the Samara State University, 11/1(22), 94-110 (in Russian).
- Case No. 1–92/00. Archive of the Oktyabrsky District Court of Barnaul, Altai Territory (in Russian).
- Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation N 127-UD18-19 of 01/15/2019. ATP Consultant (in Russian).
- Decree of the Moscow City Court N 4u-6827 / 2017 dated November 28, 2017. ATP Consultant (in Russian).
- Decree of the Presidium of the Sakhalin Regional Court N 44u-6 / 2018 dated February 16, 2018. ATP Consultant (in Russian).
- Determination of the Supreme Court of the Russian Federation N 4-005-33 dated March 22, 2005. ATP Consultant (in Russian).
- Ermakova, O. V. (2019). Peculiarities of qualification of the threat of murder or grievous bodily harm. The penitentiary system today: the interaction of science and practice: a collection of materials of the XIX All-Russian Scientific and Practical Conference. resp. ed. A. G. Chirikov, 170-173 (in Russian).
- Judgment of the Chusovoy City Court of the Perm Territory No. 1-134/2021 dated July 9, 2021 in case No. 1-134/2021. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Available from: <https://sudact.ru/> (in Russian).
- Judgment of the Shatrovsky District Court of the Kurgan Region No. 1-54/2021 dated July 20, 2021 in case No. 1-54/2021. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Available from: <https://sudact.ru/> (in Russian).
- Judgment of the Shatrovsky District Court of the Kurgan Region No. 1-48/2021 dated July 13, 2021 in case No. 1-48/2021. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Available from: <https://sudact.ru/> (in Russian).
- Judgment of the Shatursky City Court of the Moscow Region No. 1-183/2021 dated June 3, 2021 in case No. 1-183/2021. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Available from: <https://sudact.ru/> (in Russian).
- Judgment of the Shilkinsky District Court of the Trans-Baikal Territory No. 1-23/2021 1-387/2020 dated March 18, 2021 in case No. 1-23/2021. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/> (in Russian).
- Judgment of the Yaroslavl District Court of the Yaroslavl Region No. 1-161/2021 dated July 26, 2021 in case No. 1-161/2021. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Available from: <https://sudact.ru/> (in Russian).
- Kondratenko, M. A., Tydykova, N. V. (2008). The problem of qualification of signs of compositions in violent crimes. Russian justice, 1, 41-42 (in Russian).
- Konovalov, N. N. (2018). The threat of murder and the threat of causing grievous bodily harm in case of sexual assault and rape. Russian judge, 8, 30-35 (in Russian).
- Mevlud, D. D., Maistrenko, G. A. (2021). Criminal liability for threats to kill or cause grievous bodily harm. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3, 138-140 (in Russian).
- Razdobudko, V. O. (2017). Criminal and legal characteristics of the threat: textbook / V. O. Razdobudko, D. A. Parkhomenko, S. V. Parkhomenko. Irkutsk (in Russian).
- Resolution of the Sharangsky District Court of the Nizhny Novgorod Region No. 1-17/2021 dated March 18, 2021 in case No. 1-17/2021. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Available from: <https://sudact.ru/> (in Russian).
- Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, approved. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 10, 2021. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. (2022). No. 2 (in Russian).
- Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, approved. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 12, 2017. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation (2018). No. 9 (in Russian).
- Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation in case No. 82-UD21-7-K7 dated July 22, 2021. Supreme Court of the Russian Federation. Available from: <https://www.vsrfr.ru/> (in Russian).
- Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation N 88-D10-3 dated August 31, 2010. ATP Consultant (in Russian).

---

Sentence of the Altai Regional Court No. 2-5/2018 dated June 27, 2018. Altai Regional Court. Available from: <https://kraevoy-alt.sudrf.ru/> (in Russian).

Sentence of the Yartsevsky City Court of the Smolensk Region No. 1-248/2020 1-36/2021 dated June 8, 2021 in case No. 1-248/2020. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Available from: <https://sudact.ru/> (in Russian).

Serdyuk, L. (2008). Legal assessment of the consequences of the threat of murder or causing grievous bodily harm. Criminal Law, 1, 64-68 (in Russian).

Sharapov, R. D. (2006). Violence in criminal law: concept, qualification, improvement of the mechanism of criminal law warning: author. dis. ... doc. legal sciences. Yekaterinburg (in Russian).

Тыдыкова, Н. В. (2013). Criminal-legal characteristics and issues of qualification of violent sexual crimes. Moscow (in Russian).

Zotov, A. Yu. (2022). Problems of qualifying the threat of murder or causing grievous bodily harm arising in modern investigative and judicial practice. Law and Practice, 2, 121-126 (in Russian).

---

**Citation:**

Тыдыкова Н. В. О проблемах понимания признаков состава угрозы убийством // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 36-42.

Tydykova N. V. (2023). On Understanding the Elements of a Threat of Homicide. Legal Linguistics, 28, 36–42.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---